

А. Н. Слядзь

**Временщик и император:
Роман Лакапин как хранитель византийской ойкумены**

Временщик, провозгласивший себя императором, регент при малолетнем Константине VII, ставший его названным отцом и тестем, Роман I Лакапин (919–944) словно затерялся в череде самодержцев Македонского дома. Тем не менее, византийская история неразрывно связана с именем Лакапина, которому удалось не только вывести империю из затяжного политического и военного кризиса, укрепить опекаемую им династию, но и положить начало новой эпохе – кульминации ромейской цивилизации.

Ключевые слова: Византия, Роман I Лакапин, Македонская династия

Andrey N. Slyadz

**Favourite and Emperor:
Romanus Lecapenus as a guardian of the Byzantine oecumene**

The favourite who had proclaimed the emperor, the regent at the underage Constantine VII, became his adopted father and the father-in-law, Romanus I Lecapenus (919–944) as if got lost in a train of autocrats of the Macedonian house. Nevertheless, the Byzantine history is inseparably linked with a name of Lecapenus who managed not only to bring the empire out of long political and military crisis, to strengthen the dynasty protected by him, but also to initiate the new era – culmination of the Byzantine civilization.

Keywords: Byzantium, Romanus I Lecapenus, the Macedonian dynasty

«Фигурой, лишенной обаяния», «неромантической фигурой» назвал Романа Лакапина его крупнейший биограф С. Рансиман¹. Действительно, происходивший из армянских крестьян малоазийского Приевфратья², незнатный и необразованный³ Лакапин, назначенный **друнгарием** императорского флота⁴ и совершивший с его помощью переворот 25 марта 919 г.⁵, казалось, явно не подходил на роль **автократора** и хранителя ромейской ойкумены. Временщик, провозгласивший себя императором, регент при малолетнем Константине VII (род. в 905 г.⁶), ставший его названным отцом (**василеопатором**) и тестем, Роман I словно затерялся в череде самодержцев Македонского дома – блистательных военачальников, администраторов и эрудитов. Тем не менее, византийская история неразрывно связана с именем Лакапина, которому удалось не только вывести империю из затяжного политического и военного кризиса, укрепить опекаемую им Македонскую династию, но и положить начало новой эпохе – кульминации ромейской цивилизации.

Однако разброс мнений об этом незаурядном императоре чрезвычайно широк: если современники, пожалуй, отдавали должное его административному таланту и личным качествам, то позднейшие историки оказывались, подчас, излишне категоричны. Симеон Логофет (автор «Хроники» о событиях 842–948 гг.⁷) – главный панегирист Романа Лакапина⁸ – посвятил неболь-

шую элегию даже его среднему сыну Стефану, участвовавшему в свержении отца и умершему в ссылке⁹. Вместе с тем едва ли не господствующей стала характеристика, данная Роману его зятем Константином VII (945–959), на четверть века оттесненным Лакапином от власти (что, кстати, пошло на пользу и самому Порфирогенету, и его династии, но об этом ниже): «он был не из царского и не из знатного рода, а потому он многое совершил деспотично и крайне самовластно»¹⁰. В качестве примера подобных оценок правления Романа I, столетия спустя перекочевавших в научные работы, можно привести яркие высказывания Г. Гельцера: «ужасный насильник правил византийским миром при помощи железной лозы», «гениальный, но беспринципный злодей»¹¹. Лишь в последние десятилетия, удастся по-новому взглянуть на личность василевса Романа, чье правление – не только олицетворение разумной умеренности¹², но и начальная фаза апогея внешней и внутренней мощи Византии классической поры, наступившей в середине IX ст. с окончательным уходом старой римской организации и ее замещением новой сильно централизованной (собственно византийской) административной структурой¹³.

Недостаточное внимание к автократии Лакапина в отечественной историографии, подчас воспринимающей ее только как «приложение» к долгому царствованию Константина Багря-

народного, во многом обусловило некоторую недооценку личности Романа I. Представляется интересным обратиться к деятельности Лакапина, ее основным этапам, а также попытаться рассмотреть правление Романа в связи с характерными чертами той эпохи.

Правительство Льва VI (886–912), которому от отца, основателя Македонского дома Василия I (867–886) достались две нерешенные проблемы – напряженные отношения с Болгарией и достижение церковного единства – не только не устранило их, но и оказалось в состоянии внешне- и внутривластного кризиса, когда создалась фактическая угроза династии. Претензии болгарского царя Симеона I (893–927) на Константинополь и саму высшую императорскую власть¹⁴, церковный раскол и конфликт с папством по вопросу о четвертом браке императора Льва, бесконечные придворные интриги, малолетство порфирородного Константина VII до крайней степени ослабили авторитет царствующей фамилии и Византии в целом. Преемница и вдова Льва VI Зоя Карбонопсина – мать Константина Багрянородного, – так и оставшись «партийным» лидером¹⁵, не сумела достичь необходимого сплочения правительственного блока вокруг престола. Больше того, несмотря на отдельные успехи в Армении (визит 914 г. Ашота II в Константинополь¹⁶) и Южной Италии (разгром арабов при Гарильяно в 916 г.¹⁷), Зоя допустила крупный внешнеполитический просчет, продолжив чрезвычайно неудачную войну с Симеоном I¹⁸. Отчаянное положение, в котором оказалась империя, требовало создания сильного режима, и единственным, кто оказался соответствующим этой задаче, был 49-летний¹⁹ **друнгарий** Роман²⁰. «Политик до кончиков пальцев», Лакапин даже свое низкое происхождение и статус постороннего обернул на пользу: при погрящем в интригах дворе Роман предстал в роли незаинтересованного арбитра, стремившегося лишь к защите прав законного императора – Багрянородного Константина²¹.

Несмотря на массу заговоров, Роману I удалось консолидировать правившую группировку столичного чиновничества и дворцовой знати, одновременно укрепив положение собственного рода, в частности, путем широкого использования института соправительства. Оставаясь, в сущности, чужаком, вождем клана, правда с общими имперскими амбициями²², Лакапин, соблюдая максимальную осторожность, за первые восемь лет правления решил важнейшие задачи международной и внутренней политики. Пришедшая с ним «партия» сумела в значительной степени преодолеть кризис первой четверти X в.²³

Ключевой проблемой международной

жизни являлись отношения с Болгарией, вернее, ее имперские амбиции, угрожавшие автократии Константинополя. Провозглашенный **василеопатом, кесарем**, а позднее (17 декабря 920 г.) императором²⁴, Роман I достиг того, к чему тщетно стремился Симеон I: он стал тестем и соправителем молодого законного василевса²⁵. Таким образом, Болгария идейно-юридически проиграла борьбу за гегемонию, тождественную борьбе за империю²⁶: Лакапин не только выбил из-под ног Симеона I идеологическую почву для претензий на верховную власть в ойкумене (хотя война продолжалась вплоть до смерти царя Болгарии), но и надежно оградил, укрепил трон Константина Багрянородного и его династии. В то же время активные контакты с венграми («турками»²⁷), едва пришедшими в Паннонию, стали не только началом гибкой «кочевнической дипломатии», впоследствии высоко оцененной Константином VII²⁸, но и способствовали нейтрализации болгарской угрозы и замирению Византии с сыном и преемником Симеона I Петром Кротким (927–967) уже в октябре 927 г.²⁹

Именно долговременное затишье на Балканах позволило ромеям перебросить высвободившиеся войска для решающего прорыва на восточном фронте³⁰, где империя, впервые перехватив стратегическую инициативу, перешла от глухой обороны к наступлению. Этот крупный стратегический успех, неразрывно связанный с именем магистра Иоанна Куркуаса, более двадцати лет (922–944) занимавшего пост **доместика схол Востока**³¹, явился прологом ярких побед Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия 960 – первой половины 970-х гг.³² Несмотря на некоторые достижения при Василии I (разгром павликиан и аннексия контролируемой ими области³³) и Льве VI (присоединение части армянских территорий и превращение около 917 г. Ликандской клисуры в фему³⁴), азиатское направление до второй четверти X ст. продолжало оставаться «кровоточащей раной» Византии.

Следует отметить, что покровительством Романа I пользовался сохраненный им большой флот³⁵ – его «личное имущество», давнишняя вотчина, из которой и благодаря которой он совершил решительный прыжок к высшей власти. Успех **друнгария флота патрикия** Иоанна Радина, разгромившего при Лемносе Льва Триполитанина в 924 г.³⁶, достаточно ярко характеризует упрочившееся положение ромейских военно-морских сил³⁷, особенно после крупных морских неудач 898 (малоазийское побережье), 901 (Мессина), 902 (Таормина), 904 (Фессалоника) и 912 (Самос) гг.³⁸ С этого времени морская опасность со стороны арабов была устранена, византийский флот снова надолго стал хозяином

Эгейского моря, а империя – первой морской державой Европы³⁹.

Если в военных вопросах ближайшим сотрудником Лакапина был **доместик** Иоанн Куркуас, то в церковных таковым являлся патриарх Николай I Мистик (901–907; 912–925), фактически обслуживавший интересы Романа⁴⁰. Именно в ликвидации церковной смуты по вопросу о четвертом браке императора Льва Мудрого состояла вторая крупная проблема (наряду с гегемонистскими претензиями Симеона Болгарского), которая досталась Роману I от предшествующего царствования и нашла решение уже в начале 920-х гг. Несмотря на неоднозначную каноничность супружества Льва VI и Зои Карбонопсины, Роман Лакапин счел необходимым укрепить престолонаследные права их единственного сына Константина VII, хотя и не устранив некоторой двусмысленности в его положении. В июле 920 г. поместный собор, прямо не осудив четвертый брак Льва VI⁴¹, подтвердил запрет на таковой в принципе⁴², что бросило тень на Константина VII⁴³. Больше того, в знак признания правоты и духовного авторитета патриарха Николая были репрессированы его старые противники – ряд епископов во главе с бывшим патриархом Евфимием I (907–912), некогда поддерживавших молодого Порфиrogenета⁴⁴. Сам же Роман I получил лавры восстановителя церковного единства после продолжительной схизмы николаитов и евфимитов и конфликта с папством⁴⁵.

Со смертью Николая Мистика – верного союзника Лакапина, с помощью которого он сохранил существенный политический вес⁴⁶ – высокий авторитет византийской церкви бесследно исчез⁴⁷. По примеру предшественников Василия I и Льва VI (т. е. в русле типично «македонского» курса) Роман I для занятия патриаршего престола подготовил младшего сына 16-летнего Феофилакта, назначенного предстоятелем после двухлетней вакансии в 933 г.⁴⁸, что явилось проявлением слабости церкви, ее унижением перед могуществом императорской автократии.

Другим направлением внутренней политики Лакапина явились решительные меры против земельных магнатов, направленные на защиту мелкой стратиотской собственности⁴⁹. Роман Лакапин новеллами 922 и 934 гг. положил начало знаменитому аграрному законодательству Македонской династии⁵⁰, первым из василевсов предприняв попытку приостановить разорение стратиотских хозяйств, постепенно поглощавшихся крупным землевладением⁵¹. Впрочем, в отдельных районах имело место расширение императорских доменов (кураторий, размер которых после VII в. существенно уменьшился

и стал расти лишь с середины IX столетия⁵²) за счет крестьянских общин. В частности в 934 г. недавно отвоеванная Мелитина получила статус куратории, а часть стратиотских наделов в Лакапе (родном городе василевса) отошла к местному императорскому монастырю⁵³.

Таким образом, патронируя стратиотам, Роман I, тем не менее, оказывал поддержку монастырям, в том числе провинциальным⁵⁴, а также заигрывал с отдельными представителями фемной военно-землевладельческой аристократии (с Аргирами, Куркуасами, Мосиле⁵⁵), других же – преследовал как претендентов на власть (например, Льва Фоку)⁵⁶. Хотя провинциальная знать оставалась связанной прежде всего с государственной службой, а не с эксплуатацией недвижимой собственности, действия Лакапина были направлены в том числе против сращивания династов с представителями местной администрации⁵⁷.

Показательным является не имеющий строгой датировки и относящийся к началу X в. (возможно, к эпохе Романа Лакапина⁵⁸) факт разделения военной и гражданской власти в фемах между **стратигом** и фемным судьей (претором). Если ранее полнота военной и административно-судебной власти была сосредоточена в руках стратига – как правило, представителя местной землевладельческой знати, которому претор непосредственно подчинялся, то теперь мы можем констатировать (в частности, в феме Фессалонника в 920-е гг.) расширение полномочий претора, ставшего главой всего гражданского управления области и чей ранг оказался равным стратигу, сохранившему лишь военную функцию⁵⁹. Этот процесс, начавшийся в первой четверти X столетия, получил дальнейшее развитие уже XI в.

Низкое происхождение, шаткость положения во многом обусловили «кадровую» политику Романа I, по всей вероятности, так и не ставшего своим в среде высокородных царедворцев, столичных бюрократов или набиравшей силу провинциальной знати, что лишь оттеняло его одиночество и провоцировало на всемерное укрепление собственного клана⁶⁰. В 922 г. Роман Лакапин выстроил собственную частную резиденцию Мирелейон – дворцовый комплекс с фамильной усыпальницей (главная церковь Богородицы – нынешняя мечеть Бодрум Джами), находившийся к западу от Большого дворца⁶¹. Таким образом, Лакапиниды организовали персональный центр власти, в известной степени противостоявшей традиционному, враждебному им.

Тем не менее, правление Романа I – время очевидного доминирования сановой знати, военно-аристократические роды Востока по-

прежнему оставались отодвинуты от центра власти⁶². Управление страной было сосредоточено при императорском дворе: например, именно протовестиарий – церемониймейстер, распорядитель царского гардероба (позднее, паракимомен – главный спальничий, начальник китонитов – охранников императорских покоев, китона)⁶³ евнух⁶⁴ Феофан, а не кто-либо из логофетов возглавлял государственный аппарат⁶⁵. «Распоряжавшийся всеми делами» Феофан даже подвизался на дипломатической и военной службе, вел переговоры с болгарами и венграми, командовал флотом⁶⁶. С другой стороны, доступность высших должностей «плебеям», что ярко характеризует пример самого Лакапина, говорит о нестабильности доминировавшего страта⁶⁷.

Очевидно, стремясь расширить социальную базу правления, Роман Лакапин не останавливался перед откровенным популизмом, потворствуя столичному плебсу – василевс ежедневно обедал с тремя нищими, каждый из которых получал еще по номисме в придачу⁶⁸. Вот некоторые из мер, которые «измыслила в заботах о бедняках сострадательная душа императора»: устройство своеобразных «ночлежек» в переоборудованных портиках, строительство гостиниц и приютов, массовая раздача продовольствия и серебряных монет голодающим, выплата из казны явных долгов и задолженностей по квартплате всех константинопольцев, сожжение долговых обязательств⁶⁹. Будучи исключением в череде образованных императоров, Лакапин отчасти в силу личных стремлений, отчасти ради повышения популярности исповедовал грубое «народное», обрядовое благочестие: в частности, как пережиток язычества, он запретил праздник брумалий, когда 24 дня в году посвящались буквам греческого алфавита и каждый отмечал день первой буквы своего имени⁷⁰.

Однако при всей виртуозности, мастерстве, искусстве «политической эквилибристики», попытки Лакапина везде расставить «нужных», лично преданных людей, клиентов или родственников, хотя и спасали от всевозможных переворотов и придавали известную устойчивость режиму, но, в конечном счете, привели к конфликту внутри семьи. 16 декабря 944 г. Роман I пал жертвой заговора собственных сыновей Стефана и Константина: престарелый самодержец был насильственно пострижен и сослан на о. Прот в Принцевом архипелаге, где Роман Лакапин и скончался 15 июня 948 г.⁷¹ Свержение правившего четверть века василевса прошло совершенно незамеченным, что, несомненно, означало торжество идеи легитимизма⁷² – за-

конности Македонской династии. Уже 27 января 945 г. Константину Порфирогенету, вышедшему из тени сразу после падения грозного тестя, при поддержке населения столицы (в сущности, продолжавшего оставаться в неведении относительно происходившего⁷³) без труда удалось отстранить от власти младших Лакапинидов⁷⁴.

Таким образом, намерение Романа, заключавшееся в том, чтобы заставить общественное мнение забыть о законном носителе царской власти и постепенно приучить к новой династии, не увенчалось успехом⁷⁵. Больше того, всегда рассматривавший власть как владение своего дома⁷⁶, Лакапин, в какой-то степени против воли, укрепил престиж оттесненного от управления и стесненного в правах Константина VII, которому с самого рождения так не доставало реального подтверждения своего престолонаследного статуса. В отличие от Василия I, Роман I не ликвидировал представителя законной династии, а, связав его узами родства (через дочь Елену⁷⁷), постепенно, почти незаметно отодвинул на задний план⁷⁸. Правда, Константин Багрянородный, поначалу поддержавший тестя против правительства своей матери Зои⁷⁹, являлся единственной политической опорой Романа, оправдывавшей его власть среди враждебного окружения⁸⁰.

Господство Лакапинидов оказалось столь же всеобщим, сколь и иллюзорным. Одно время сразу трое сыновей Романа I – старший Христофор (надежда и опора отца, умерший при его жизни в 931 г.⁸¹) и младшие Стефан и Константин – являлись соправителями, тогда как Константин VII вынужден был довольствоваться декоративным, третьим местом в этой иерархии⁸². Показательно, что под конец правления Роман пошел на некоторое сближение с 39-летним Порфирогенетом: осенью 944 г. Лакапин составил завещание, провозгласившее Константина «**первым императором**» – завуалированная угроза младшим Лакапинидам, сопряженная с лишением царского статуса⁸³. При этом нельзя исключать, что такую блестящую интригу разыграл сам Константин VII: сначала разжег у старика Романа подозрения в адрес его собственных сыновей, а потом натравил их на отца⁸⁴. Несмотря на то, что в оба заговора (декабрьский 944 и январский 945 г.) оказались вовлечены отдельные представители малоазийской фемной аристократии (такие как Фоки, Аргиры, Куртикии, Торники), перевороты произошли в традиционном византийском стиле: мнение армии все еще не имело значения⁸⁵.

Клан Лакапина правил империей, опираясь исключительно на авторитет свергнутого Рома-

на. С его падением сыновья, рассорившиеся с отцом⁸⁶, которому были обязаны всем, немедленно упустили власть и оказались пострижены вместе с ним в монастыре на о. Прот⁸⁷. Однако общеимперский фундамент, основательно укрепленный Романом Лакапином, оказался значительно долговечнее и прочнее положения его семьи: Византия находилась в преддверии небывалых триумфов.

Примечания

¹ Runciman S. *The Emperor Romanus Lecapenus and his reign: a study of tenth century Byzantium*. Cambridge, 1988. P. 244.

² Каждан А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975. С. 11–12; Whittow M. *The Making of Orthodox Byzantium, 600–1025*. London, 1996. P. 200–201, 340; Treadgold W. *A History of the Byzantine State and Society*. Stanford, 1997. P. 476.

³ История Византии: в 3 т. / под ред. С. Д. Сказкина. М., 1967. Т. 2. С. 183.

⁴ Дашков С. Б. Императоры Византии. М., 1997. С. 175.

⁵ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / изд. подг. Я. Н. Любарский. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2009. С. 244–246; Симеона Метафраста и Логофета описание мира от бытия и Летоуник собран от различных летописцев: слав. пер. хроники Симеона Логофета с доп. / изд. подг. В. И. Срезневский. СПб., 1905. С. 129–131; Symeonis Magistri et Logothetae. *Chronicon* / ed. S. Wahlgren // *Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Series Berolinensis*. Berlin; New York, 2006. Vol. 44, № 1. S. 310–312.

⁶ Успенский Ф. И. История Византийской империи: в 5 т. М., 2002. Т. 3: Период Македонской династии, 867–1025. С. 418; Дашков С. Б. Указ. соч. С. 170.

⁷ Каждан А. П. Хроника Симеона Логофета // *Византийский временник*. 1959. Т. 15 (40). С. 128–129.

⁸ Whittow M. *Op. cit.* P. 8–9.

⁹ Симеона Метафраста и Логофета описание мира от бытия. С. 142–144; Symeonis Magistri et Logothetae. *Op. cit.* S. 338–342; Runciman S. *Op. cit.* P. 244.

¹⁰ Константин Багрянородный. Об управлении империей / текст, перев., комм. под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1991. С. 61.

¹¹ Гельцер Г. Очерк политической истории Византии // *Очерки по истории Византии* / под ред. В. Н. Бенешевича: в 4 вып. СПб., 1912. Вып. 1. С. 90.

¹² Острогорский Г. А. История византийского государства / пер. с нем. М. В. Грацианского; ред. П. В. Кузенков. М., 2011. С. 345.

¹³ Runciman S. *Op. cit.* P. 238.

¹⁴ Gregory T. E. *A History of Byzantium*. Oxford: Blackwell Publishing, 2005. P. 228–229.

¹⁵ Runciman S. *Op. cit.* P. 239.

¹⁶ Продолжатель Феофана. Указ. соч. С. 241; Whittow M. *Op. cit.* P. 219–220.

¹⁷ Васильев А. А. Византия и арабы: в 2 т. СПб., 1902.

Т. 2: Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. С. 205–206.

¹⁸ Продолжатель Феофана. Указ. соч. С. 242–243.

¹⁹ Дашков С. Б. Указ. соч. С. 175; *The Cambridge History of the Byzantine Empire: c. 500–1492* / ed. by J. Shepard. Cambridge, 2008. P. 506–507.

²⁰ Острогорский Г. А. Указ. соч. С. 338.

²¹ *The Cambridge History of the Byzantine Empire*. P. 506.

²² Runciman S. *Op. cit.* P. 240.

²³ Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 130.

²⁴ Продолжатель Феофана. Указ. соч. С. 245–247.

²⁵ Острогорский Г. А. Указ. соч. С. 336, 338–339; Stephenson P. *Byzantium's Balkan Frontier: a political study of the Northern Balkans, 900–1204*. Cambridge, 2006. P. 23–25.

²⁶ Острогорский Г. А. Указ. соч. С. 336.

²⁷ Продолжатель Феофана. Указ. соч. С. 261–262.

²⁸ Константин Багрянородный. Указ. соч. С. 39, 284–286.

²⁹ Продолжатель Феофана. Указ. соч. С. 255–256.

³⁰ Skylitzes J. *A Synopsis of Byzantine History, 811–1057* // transl. by J. Wortley; with introductions by J.-C. Cheynet, B. Flusin; notes by J.-C. Cheynet. Cambridge, 2010. P. 216.

³¹ Продолжатель Феофана. Указ. соч. С. 257–258, 264–265; Skylitzes J. *Op. cit.* P. 210–211; Whittow M. *Op. cit.* P. 317–318.

³² Дашков С. Б. Указ. соч. С. 180; Величко А. М. История византийских императоров: в 5 т. М., 2010. Т. 4. С. 149; Васильев А. А. История Византийской империи: в 2 т. / вступ. статья, прим., науч. ред., пер. с англ., имен. указ. А. Г. Грушевого. СПб., 1998. Т. 1: Время до крестовых походов, до 1081 г. С. 406–407.

³³ Продолжатель Феофана. Указ. соч. С. 170–171; Васильев А. А. Указ. соч. Т. 2. С. 32–38.

³⁴ Там же. С. 100–101; Runciman S. *Op. cit.* P. 241.

³⁵ Левченко М. В. Указ. соч. С. 131; Острогорский Г. А. Указ. соч. С. 351.

³⁶ Продолжатель Феофана. Указ. соч. С. 251; Skylitzes J. *Op. cit.* P. 211.

³⁷ Курбатов Г. Л. История Византии: от античности к феодализму. М., 1984. С. 120–121.

³⁸ Дашков С. Б. Указ. соч. С. 167–168.

³⁹ Левченко М. В. Указ. соч. С. 135–136.

⁴⁰ Гельцер Г. Указ. соч. С. 90.

⁴¹ Продолжатель Феофана. Указ. соч. С. 247.

⁴² Nicolas I, Patriarch of Constantinople. *Letters* / Greek text and English transl. by R. J. H. Jenkins, L. G. Westerink. Washington, 1973. P. 150–151.

⁴³ Гельцер Г. Указ. соч. С. 90; Величко А. М. Указ. соч. Т. 4. С. 134.

⁴⁴ История Византии. Т. 2. С. 185–186.

⁴⁵ Продолжатель Феофана. Указ. соч. С. 247; Псамафийская хроника / предисл., пер., коммент. А. П. Каждана // *Две византийские хроники X в. М.*, 1959. С. 77–80, 137; Острогорский Г. А. Указ. соч. С. 345–346; Лебедев А. П. История разделения Церквей в IX, X и XI вв. 3-е изд., испр. СПб., 2010. С. 262–273.

- ⁴⁶ The Cambridge History of the Byzantine Empire. С. 506.
- ⁴⁷ Острогорский Г. А. Указ. соч. С. 346.
- ⁴⁸ Продолжатель Феофана. Указ. соч. С. 260–261; Skylitzes J. Op. cit. P. 219–220.
- ⁴⁹ Васильевский В. Г. Избранные труды по истории Византии: в 2 кн., 4 т. / ред.-сост. М. В. Грацианский, П. В. Кузнецов. М., 2010. Кн. 2, т. 3/4. С. 680–695; Сборник документов по социально-экономической истории Византии / отв. ред. Е. А. Косминский. М., 1951. С. 130–131, 156–159.
- ⁵⁰ Каждан А. П. Крестьянские движения в Византии X в. и аграрная политика императоров Македонской династии // Византийский временник. 1952. Т. 5 (30). С. 95–97.
- ⁵¹ Васильев А. А. Указ. соч. Т. 1. С. 456.
- ⁵² Whittow M. Op. cit. P. 341–342.
- ⁵³ История Византии. Т. 2. С. 184.
- ⁵⁴ Продолжатель Феофана. Указ. соч. С. 258–259, 267–268.
- ⁵⁵ Там же. С. 248, 263–264; Skylitzes J. Op. cit. P. 207; История Византии. Т. 2. С. 186; Gregory T. E. Op. cit. P. 229.
- ⁵⁶ Продолжатель Феофана. Указ. соч. С. 246–247.
- ⁵⁷ Harvey A. Economic Expansion in the Byzantine Empire, 900–1200. Cambridge, 1989. P. 42; Морозов М. А. Монастыри средневековой Византии: Хозяйство, социальный и правовой статус. СПб., 2005. С. 22–25.
- ⁵⁸ Whittow M. Op. cit. P. 343.
- ⁵⁹ Ibid. P. 343–344.
- ⁶⁰ Величко А. М. Указ. соч. Т. 4. С. 146, 149.
- ⁶¹ The Cambridge History of the Byzantine Empire. P. 507; Иванов С. А. В поисках Константинополя: путеводитель по византийскому Стамбулу и окрестностям. М., 2011. С. 234, 273, 278–279.
- ⁶² Whittow M. Op. cit. P. 341.
- ⁶³ Византийский словарь: в 2 т. / сост., общ. ред. К. А. Филатова. СПб., 2011. Т. 2. С. 170, 228; Дашков С. Б. Указ. соч. С. 336, 338.
- ⁶⁴ Treadgold W. Op. cit. P. 479.
- ⁶⁵ История Византии. Т. 2. С. 183.
- ⁶⁶ Успенский Ф. И. Указ. соч. Т. 3. С. 254, 261–263; Skylitzes J. Op. cit. P. 220–221.
- ⁶⁷ Каждан А. П. О социальной природе византийского самодержавия // Народы Азии и Африки. 1966. № 6. С. 58.
- ⁶⁸ Продолжатель Феофана. Указ. соч. С. 258.
- ⁶⁹ Там же. С. 258–259, 265–266; Skylitzes J. Op. cit. P. 218.
- ⁷⁰ Дашков С. Б. Указ. соч. С. 176.
- ⁷¹ Продолжатель Феофана. Указ. соч. С. 268, 271; Лиутпранд Кремонский. Антаподосис; Книга об Оттоне; Отчет о посольстве в Константинополь / пер. с лат. и коммент. И. В. Дьяконова. М., 2006. С. 99; Treadgold W. Op. cit. P. 486; Иванов С. А. Указ. соч. С. 580–581.
- ⁷² Гельцер Г. Указ. соч. С. 91.
- ⁷³ Whittow M. Op. cit. P. 346.
- ⁷⁴ Продолжатель Феофана. Указ. соч. С. 269–270.
- ⁷⁵ Успенский Ф. И. Указ. соч. Т. 3. С. 427–428.
- ⁷⁶ Гельцер Г. Указ. соч. С. 91.
- ⁷⁷ Продолжатель Феофана. Указ. соч. С. 245–246; The Cambridge History of the Byzantine Empire. P. 506.
- ⁷⁸ Острогорский Г. А. Указ. соч. С. 345.
- ⁷⁹ Продолжатель Феофана. Указ. соч. С. 244–245.
- ⁸⁰ Величко А. М. Указ. соч. Т. 4. С. 133–134.
- ⁸¹ Skylitzes J. Op. cit. P. 219; Успенский Ф. И. Указ. соч. Т. 3. С. 429.
- ⁸² Продолжатель Феофана. Указ. соч. С. 247, 253; Skylitzes J. Op. cit. P. 213; Успенский Ф. И. Указ. соч. Т. 3. С. 425–426; Острогорский Г. А. Указ. соч. С. 344–345; The Cambridge History of the Byzantine Empire. P. 507, 509.
- ⁸³ The Cambridge History of the Byzantine Empire. P. 510.
- ⁸⁴ Иванов С. А. Указ. соч. С. 275.
- ⁸⁵ Whittow M. Op. cit. P. 345–346.
- ⁸⁶ Константин Багрянородный. Указ. соч. С. 15.
- ⁸⁷ Продолжатель Феофана. Указ. соч. С. 268–270; Лиутпранд Кремонский. Указ. соч. С. 99, 101–102.